

Юнор Сауза и Ксения Овсяник в «Жар-птице», хореография Джорджа Вильямсона. Фото: Э.Кулджар/Данс Европа

ВСПОМИНАЯ “BALLETS RUSSES”

ДЕБОРА ВАЙС и МЭГГИ
ФОЙЕР с обзором двух новых
программ Английского
Национального Балета

Перевод ОЛЬГА ГОНЧАРОВА

Программа «Beyond Ballets Russes», поставленная Английским Национальным Балетом, как нельзя лучше демонстрирует творческий дух компании, который выражается в здоровом интересе к прошлому и неукротимом желании постигать новое. Результат такой яркой приверженности

способен доставить настоящее удовольствие! Во всех отношениях. Интересно задуманная и грамотно составленная действующим директором ENB Уэйном Иглином, программа обладает всеми ингредиентами, чтобы радовать большую часть публики на протяжении

Вадим Мунтагиров в «Голубом экспрессе», хореография Брониславы Нижинской

всего вечера. Первая из двух частей вызывает наибольшее любопытство тем фактом, что поставлена она новым хореографом, совсем еще юным Джорджем Вильямсоном, представившим собственную интерпретацию «Жар-птицы». Видимо, этому молодому человеку, в его всего лишь 21 год, было предначертано судьбой предстать перед «расстрельной командой» блюстителей традиций из публики, еще до того как поднимется занавес.

Авантюра Иглина с выбором для подобного дебюта Вильямсона - риск, заслуживающий уважения. Не смотря на то, что и сама пьеса не без изъянов, молодой хореограф показал в своей работе убедительную современную трактовку древней фавулы «с изюминкой», дал поучительный урок на тему охраны окружающей

среды и наказал жадность. Вильямсон черпал вдохновение из двух источников: истории о Жар-птице и ее волшебном появлении, и легенде о Птице Феникс, которая в мифологии была описана также как «огненная птица», с разноцветными перьями и магической способностью возрождаться из пепла, что соответствует современным вождениям вечной молодости и одержимости желанием стать знаменитым. Отлично от Птицы он трактует остальные персонажи: Павлин, Чистота, Знаменитость и Армейский Капитан. Их характеры неоднозначны, хотя, можно заранее предположить, что Павлин воплощает тщеславие и самолюбование; Чистота, само собой разумеется, в белом - добродетель и достоинство; Знаменитость стремится к поверхностному блеску и всеобщему обожанию; а Армейский Капитан, в моем представлении, символизировал контроль, дисциплину а, время от времени, и неуправляемую силу. И если режиссерские ходы здесь не всегда понятны, то идея предельно ясна: Птица – Босс. Персонажи алчно забирают все, что могут, обдирая с Жар-птицы оперение и истощая ее магические силы. Но сказочное существо доказывает свое бессмертие: как только раскаявшиеся люди возвращают ей перья, она вновь обретает былую славу и утраченные волшебные способности. Что касается хореографического языка, то здесь Вильямсон отдал козырную карту Ксении Овсяник, своей Жар-птице, которая абсолютно правдоподобно выглядит в роли создания из параллельного мира. Она выполняет чертовски трудные па с усердием и настойчивостью, преодолевая наклонные пируэты, ломанные «sur les pointes», ни на секунду не снижая скорости, и продолжает лететь вперед, отдавая дань законам гравитации и четко проводя свою линию на протяжении всего спектакля. Овсяник, несомненно, обладает талантом, достойным этой совершенно уместной возможности блеснуть. Отдельное удовольствие я получила от интерпретации Вильямсоном дивной партитуры Стравинского, его хореография выглядит то земной, то воздушной, в зависимости от того как этого требуют музыкальные фразы – настоящая мечта для танцовщика. Также запомнился Армейский Капитан в исполнении Юнора Саузы. Меньшее впечатление произвели групповые сцены, Музы в трех экземплярах, в которых не было никакой необходимости, и еще несколько эпизодов со слабым освещением. Тем не менее, если говорить о хореографии, то компания получила достаточный повод, для демонстрации своих растяжек, особенно во время па-де-

де. Костюм Жар-птицы, придуманный Дэвидом Бамбера, выглядел весьма сценичным, благодаря своим переливающимся цветам, в соответствии с мифом о Жар-птице или Фениксе, так же как и ее многогранный головной убор. Центральный монумент с его золотым сверкающим входом (или тоннелем вглубь Земли), из которого появлялось сказочное создание, также притягивал внимание зрителей. Были и другие поражающие воображение моменты, к примеру удовольствию публики, например, пока Жар-птица парила над всеми, кордебалет, с развернутыми и сложенными пополам телами, необычными знаками выступал на фоне сверкающего задника, словно внезапно появившийся барельеф.

Возможно, Джордж Вильямсон и не нащупал правильного подхода к бессмертному Фокинскому произведению, но продемонстрировал достойную восхищения смелость, серьезный потенциал и, стоит признать, для человека столь молодого, он очень хорошо знает, чего хочет.

Еще одна заслуга Иглина - в решении показать

«Послеполуденный отдых Фавна» Нижинского в паре с современной интерпретацией «Фавна» Дэвида Доусона.

Первый из упомянутых оказался бесконечно лучшим достижением, чем урезанная версия недавно объявленного, но по-прежнему отсутствующего спектакля театра Сэдлерс-Уэллс. Исполнение было достойным, но не слишком запомнившимся, а финальная кульминация стала скорее антисобытием, благодаря рано опущенному занавесу (разве что ЕНВ внезапно охватил приступ скромности). «Фавн» Доусона – это шестиминутное наслаждение двумя танцовщиками-мужчинами во время репетиции, где старший передает работу младшему. Благодаря пианистам компании Кэвину Дарвасу и Крису Свизинбэнку, прекрасно игравшим в противоположных углах сцены, возникло удивительное ощущение близости, интимности, редкое для такого большого театра. Фантастическое мастерство приглашенных артистов, Яна Казьера и Рафаэля Кумес-Маркета, усиливало каждый нюанс.

Достойным завершением вечера стала «Весна священная» в хореографии Кеннета МакМиллана. Постановщики сочли это удачным поводом, чтобы заказать новое оформление дизайнеру Киндеру Аггуджини,

что и дало общее название всей программе. Костюмы Аггуджини – далекий, но не менее мощный, отклик на спектакль 1962 года, оформленный Сидни Нолан для Королевского балета, который я очень люблю. Темные тела на пустой сцене, которые сохраняют пластический лейтмотив племени, удачно выраженный хореографически, подчеркивают каждую позу, каждый акцент или удар ногой в пол. Кордебалет Английского Национального Балета был великолепен. Каждый по отдельности танцовщик и все вместе двигались независимо с мощнейшей энергией сквозь чрезвычайно искусно воплощенную МакМилланом партитуру Стравинского. Избранница Эрины Таканаши демонстрировала смирение и благоговейный ужас, решительно леденящий кровь. На все это яростно откликнулся подхлестнутый Гэйвином Сазерлендом оркестр ENB, на протяжении всего вечера демонстрировавший прекрасную форму. Иглин может быть по-настоящему горд своей компанией, вознагражденной публикой за первоклассное исполнение, безусловно, достойного внимания спектакля. Д.В.

Ян Казьер и Рафаэль Кумес-Маркет в «Фавне», хореография Дэвида Доусона.

Английский Национальный Балет – Эрина Такахаси в роли Избранницы – в «Весне священной», хореография Кеннета МакМиллана.

Во второй программе «Beyond Ballets Russes» вниманию зрителей были предложены «Игры» - мировая премьера от директора компании Уэйна Иглина. Ему пришлось поработать с огромным количеством документов, чтобы создать этот замечательный и по-настоящему оригинальный балет, свою лучшую на сегодняшний день работу. Ему удалось передать атмосферу той эпохи (классические платья от Шанель – это настоящее удовольствие), мягко высмеивая культ спорта, с изяществом, кокетством, полутонами, но предлагая при этом и более глубокие смыслы. Хореограф, а именно Нижинский, роль которого исполнил Дитрий Груздев, сочиняет, репетирует и даже находит собственный творческий стиль в своем воображаемом балете на зыбкой грани сна и реальности. Изначальная структура спектакля предлагает трио Елены Глурджидзе, Фернандо Оливеры, работающих с Груздевым, в то время как Као, Сауза и Джеймс Стритер разрабатывают многогранные взаимоотношения, в которых традиционное партнерство составляет лишь

малую часть. Финальную точку в спектакле ставит Даниэль Джонс своим коротким выходом в роли Дягилева, который бросает теннисный мячик в съжившегося Нижинского. Это мощная и изобретательная пьеса, прекрасной компанией для которой стал «Голубой экспресс» Брониславы Нижинской, продолживший легкую и беззаботную спортивную тему. Вадим Мунтагиров, выглядящий несколько повзрослевшим в этом сезоне, в своем хвастливом соло сумел уловить юмор и самоиронию, чтобы к тому же добавить в отличной технике, которой он всегда обладал. Это любопытное сочетание оригинальной и новой постановок повторило прием, успешно реализованный и в первой программе, среднюю часть которой составили «Послеполуденный отдых Фавна» и «Фавн». Фавн Нижинского несет на себе тяжкий груз истории, правда Антон Луковкин сумел уловить в его усмешке суть похотливого существа, нежащегося в роскошных Бакстовских декорациях. Фавн Доусона – это «прошлое и

Английский Национальный Балет в «Играх», хореография Уэйна Иглина

настоящее» балета, как театрального искусства. Урезанная сцена, два фортепьяно и обломки декораций, словно в оформлении переосмыслены все детали оригинала. Так же как и в стилизованных положениях рук, которые отсылают нас к балетной технике столетней давности. Исполнители: Рафаэль Кумес-Маркет, чье тело – хранилище доусоновского стиля, и Ян Казьер - ученик, следующий за рукой наставника и принимающий от него традиции, сопровождая этот процесс глубоким пристальным взглядом в зрительный зал и экстравагантными широкими поклонами. Юбка и обнаженные торсы великолепны - баланс

между аскетизмом и чувственностью, новая концепция мужской красоты. Может быть, пройдет много времени, прежде чем мы увидим еще раз столь вдохновенную постановку.

«Сюита в белом», перенесенная на сцену Майной Гилгуд, завершает вечер, представляя финал, от которого перехватывает дыхание. Во время долгой увертюры, предвкушая поднятие занавеса, воображение строит канонические картины: живописно расположенные танцовщицы в классических линиях, чистые оттенки уникального стиля Лифаря. В вечер премьеры исполнители вряд ли могли быть лучше: Эрина Такахаша и Конвалина в па-де-де и элегантная флейта Такахаша. Елена Глурджидзе танцевала соло, ставшее неотделимой частью ее ДНК, на протяжении которого она приправляла чувственностью изгибы своих рук и *balançoire*, и со спокойной уверенностью наращивала динамику финала. Нэнси Освальдстоун выглядела триумфатором в жесткой технике па-де-санк. Лоретта Саммерскейл, которая выглядела обезоруживающе игривой и, тем не менее, сумела поразить потрясающей серией фуэтэ, была очаровательна в трио в компании с Кэном Сарухаши и Мунтагировым. Кристал Коста, прелестная маленькая танцовщица, которая зачаровывает, словно балерина из музыкальной шкатулки, станцевала «Серенаду». Йона Акоста порхал в Мазурке, ни на мгновение не позволяя почувствовать, насколько нечеловечески это трудно, обретая невероятную свободу и гибкость в теле, подчиненном мазурочному ритму.

Акоста подтвердил свой звездный статус, проведя замечательный, запоминающийся, ставший богатым на события, театральный сезон. М.Ф.